

Обзорная правда
г. Кострома

8 МАИ 1986

Творческий портрет

МОЙ ТЕАТР

Время, подобно скульптору, меняет наши лица: отсекает случайные черты, накладывает характерные. Порой так трудно угадать старого знакомого в столь изменившемся облике. Но бывают счастливые внешности, которых почти не касается время, словно бережет их. Может быть, это дано тем, кто живет в ладу с самим собой и через годы не утратил той особой непосредственности и чуткости души, что свойственна детям... Я думала об этом, листая альбом с фотографиями. Альбом не семейный. В нем один и тот же человек, невзирая на возраст, то представлял блестящим и юным, то дряхлым стариком, то совсем неожиданно в образе Бабы-Яги. А сам оригинал — актер Костромского государственного драматического театра имени А. Н. Островского Дмитрий Кромский — сидел рядом, за столиком в гримерной, и как-то по-особенному придирчиво вглядывался в свое отражение в зеркале. И тогда казалось, что сейчас опытной рукой он нанесет последний неуловимый штрих и на глазах превратится в нового человека, неизвестного еще героя.

«Мой театр», — говорит Дмитрий Александрович и имеет на это полное право, потому что театр, в котором он играет, для него не только первый, но и единственный. Двадцатитрехлетним студентом театральной студии переступил он порог театра, где ему предстояло стать партнером таких уважаемых и заслуженных актеров старшего поколения, как В. Ярчевский, Н. Ветковская, Г. Ригерт. Один из них, народный артист РСФСР В. С. Макасеев, стал добрым другом на долгие годы.

— Годы... Они пролетели удивительно быстро. Ходят в театр уже дети моих первых зрителей. Даже не верится, что не за горами серебряный юбилей...

Честно говоря, мне тоже не верится, потому что живой и по-юношески не успокоенный Дмитрий Кромский никак не похож на степенного «юбиляра». Его движения полны скрытой энергии, а взгляд — доброго озорства.

Более ста ролей сыграно Д. Кромским на сцене родного театра.

— Я причисляю себя к актерам характерного плана. За исключением так называемых «героев», я должен уметь играть практически все роли, — говорит артист и тут же с юмором добавляет: — Не слишком ли много на себя беру? А ведь действительно, было, что утром я играл Меркуцио в «Ромео и Джульетте», вечером — Пупа в комедии А. Корнейчука «В степях Украины», на другой день — деда Юхыма ста семи лет в драме М. Кулиша «97». Наверное, костромские старожилы помнят и мою Бабу-Ягу в сказке Б. Шварца «Два клена». Сейчас с удовольствием исполняю две комедийные роли. Это Василий в спектакле «Печка на колесах» и Никанор в «Маленьком спектакле на лоне природы».

...Более ста ролей! Ведь, если задуматься, это поистине огромный труд. Разные эпохи, судьбы, характеры, лица. Как воплотить их, сделать живыми, найти верные и неповторимые интонации? Актер выходит на сцену, и, кажется, все просто, все так и быть должно. Но за этой простотой скрывается сложная работа.

— Если роль не получается, становлюсь мрачным и даже злым, — говорит Кромский — а потом вдруг найду свою ниточку-запечочку. И откуда она только появ-

нулась? Образ — вот он — есть! Иду от внешних черт к сути своего героя. Как у каждого актера, есть у меня «творческая копилка». Сейчас много говорят об актерской школе, об учителях. Учусь у всех, с кем меня сталкивает жизнь, у самой жизни.

Дмитрий Кромский наделен редким актерским обая-

нием и темпераментом. Появляясь на сцене, он сразу увлекает зрителя в «водоворот» своей игры. Он не «изображает» — живет. Он так естественен, что рядом с ним всегда будет диссонировать актер, ведущий свою роль на фальшивой ноте.

Большой школой для актера стало участие в спектаклях по пьесам А. Н. Островского.

— В 70-е годы, когда главным режиссером театра был П. И. Слюсарев, прошел цикл спектаклей о жизни провинциальных актеров старой России: «Лес», «Таланты и поклонники», «Без вины виноватые», — вспоминает Д. Кромский. — Я благодарен и театру, и режиссеру, что мне посчастливилось сыграть и Аркашку, и Шмагу, и купчика Васю. А сегодня я с удовольствием выхожу на сцену в образе Городулина в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты» в постановке В. Ф. Шиманского.

Городулина Кромского невозможно забыть. Этот с претензией на прогрессивность, мельтешащий, вечно куда-то не поспевающий общественный деятель, — то, что в народе зовут пустомеля, и далеко не безобидный пустомеля. Все его действия — слова, слова, слова...

— О чем может мечтать актер? — спрашивает мой собеседник и сам же себе отвечает: — Конечно, о новой роли, тающей глубину мысли и чувства, драматический накал, о роли, которая могла бы взволновать не только исполнителя, но и зрителя. Актер — профессия очень зависимая, он зависит и от драматурга, и от режиссера, и от партнера по спектаклю, от случая, наконец. В нашем театре крепкая молодежь, много и успешно работающая. А вот мастера, имеющие звания заслуженных и народных, да и просто талантливые, любимые зрителем актеры в последнее время не так уж часто выходят на сцену — нет ролей. А ведь каждый их выход — это доказательство силы, зрелости и мастерства нашего театра. По себе знаю, как тяжело, когда мало работы, — теряешь форму, начинаешь бояться пубрики, перестаешь испытывать счастье пребывания на сцене. Актер должен работать, иначе он перестает быть художником.

Требовательность к себе, не только как к актеру, но и как к человеку, — одна из отличительных черт Дмитрия Кромского. Способность видеть себя со стороны и критически относиться к своим ошибкам, подлинную, а не показную доброту, скром-

ность и чувство юмора — вот качества, которые стремится он не утратить с годами. И еще он сказал: «Я никогда не даю советов, если меня об этом не просят. Ни возраст, ни жизненный опыт не дают нам права всех поучать. Заметил, чем меньше иной знает, тем размашистей судит. Как трудно общение с таким человеком. Стараюсь, как говорят врачи, «не фиксировать своего внимания на всяких негативных ощущениях», включая боль и скверное настроение, чтобы это не отражалось на товарищах и партнерах».

Когда речь заходит о призывании, нить разговора невольно увлекает нас в детские годы. Наверное, это правда, что актером нужно родиться. Дмитрий рос не в актерской семье. Его отец, большевик, коммунист с 1917 года, любил пение, играл в драмкружке. Выступал на самодеятельной сцене и старший брат. А уж без участия Димы Кромского не проходил ни один большой концерт в Макарьевском Доме культуры. Старый городской сад на берегу Унжи, деревянный летний театр, первые роли в самодеятельном коллективе... Наверное, уже тогда он полюбил не только актерское ремесло, но и зрителей. Если у нас есть любимые актеры, то у актеров есть любимые зрители. Для Дмитрия Кромского это сельские жители.

Реакция зрителя — это оценка работы актера.

— Не знаю, как это объяснить, — говорит Кромский, — но я чувствую зрителя, его отдачу, его «поле». Иногда, стоя за кулисами, слушаю зрительный зал, каким-то шестым чувством уже знаю: сегодня спектакль не удастся. Всякий раз испытываю волнение и даже в антракте не ухожу со сцены, слушаю, что говорят в зале.

Дмитрий убежден, что зрителей нужно воспитывать, настраивать на сопереживание, тогда они уйдут со спектакля потрясенные, тогда они придут еще и еще.

Много лет каждый день одной и той же дорогой идет актер в свой театр и каждый раз, взглянув на памятник А. Н. Островскому, мысленно здоровается с ним, а великий драматург, кажется, отвечает ему то улыбкой, а то, нахмурив брови. Смешные фантазии и ребячество, улыбаешься вы, но мне кажется, что больше прав поэт, сказавший: «...А быть всегда чуть-чуть ребенком — есть высшая на свете добродетель».

Портрет Дмитрия Александровича будет неполным, если умолчать о большой общественной работе, которую он ведет. Член партии с двадцатилетним стажем, ветеран театра, он неоднократно избирался комсомольским секретарем, секретарем парторганизации, председателем профкома. Он постоянный член художественного совета театра.

Поиск и неудовлетворенность достигнутым — характерная черта творческой личности. Сейчас Дмитрий Александрович недоволен собой, возможно, где-то в глубине души, не признаваясь еще самому себе, он считает, что его творческий «пик» прошел. Но дорога вверх никогда не идет по отвесной прямой, где-то встречаются равнины, а где-то и спуски. Самое важное — идти вперед.

— Вы говорите о творческом портрете, — произносит мой собеседник. — Мне всегда казалось, что портреты лишутся, подводя какой-то итог, черту. Откровенно говоря, черту подводить не хочется.

Е. ЖИТКОВА.